

В автобусе было много свободных мест, и эти двое заняли свои места. Цзян Лу сказал:

— Не возвращайся сегодня днем; эти ребята, скорее всего, будут ждать до конца занятий.

Более того, в средней школе Сюйчэн в тот момент проходили спортивные соревнования, а ее ворота были широко открыты, так что проникнуть туда было легко.

В последний раз они столкнулись с ними после вечерних занятий, когда темнота скрывала даже драку. Теперь же, середь бела дня, если бы вмешалась школьная администрация...

Это действительно было опасно.

Но Ли Тану предстояло выполнить миссию. Подумав немного, он отправил сообщение в WeChat единственному сотруднику радиостанции, с которым смог связаться, Су Циньхань, сообщив, что он берет больничный.

Она не ответила сообщением, а позвонила ему напрямую.

— Ты же не притворяешься больным?

Цзян Лу смотрел в окно, а Ли Тан слегка повернулся и прошептал в трубку:

— Нет, у меня действительно жар.

— Ну, тогда покажи мне фотографию показаний твоего градусника.

— ...

— Я просто пошутила. Ты правда собирался сделать снимок?

Ли Тан на мгновение лишился дара речи.

— Ай, забудь. В любом случае, Цзян Лу сегодня не будет, — сказала Су Циньхань. — Учитывая, что ты выбрал несколько статей о Цзян Лу, я тебе помогу.

— ... Спасибо.

Повесив трубку, Ли Тан заметил, что Цзян Лу повернулся и посмотрел на него, но его взгляд остановился на нем без всякого смысла.

Предположив, что его застали за разговором с кем-то, Ли Тан колебался, стоит ли признаваться, но Цзян Лу заговорил первым:

— Если ты едешь домой, выходи на следующих двух остановках и пересядь на автобус № 21.

Ли Тан был ошеломлен.

— Я пока не хочу идти домой.

Цзян Лу не произнес больше ни слова, скрестив руки и закрыв глаза, чтобы отдохнуть.

В течение следующих тридцати минут мир был необычайно тихим.

Ни один из воображаемых сценариев не осуществился: ни один из них не заснул, опираясь на плечо соседа, ни слушали одну и ту же песню в одних наушниках. Цзян Лу дремал, откинувшись на спинку сиденья, терпя агрессивный стиль вождения водителя, часто приводивший к резким остановкам и поворотам. В лучшем случае его тело слегка наклонялось, а когда дорога выпрямлялась, он снова принимал правильное положение.

Ли Тан предположил, что этот навык оттачивался в результате частых поездок на автобусе.

Когда они приблизились к конечной остановке, Цзян Лу проснулся. Он встал и направился к задней двери, чтобы выйти, а Ли Тан последовал его примеру, с трудом дотягиваясь до задней части автобуса, держа за поручни.

Почувствовав пристальный взгляд Цзян Лу, Ли Тан объяснил:

— Здесь живет мой друг.

Когда автобус остановился и двери открылись, из него вышли только два человека.

Это была пустынная местность. Куда ни глянь, виднелись лишь серые, невысокие заводские здания и цементные дороги, испещренные выбоинами.

Цзян Лу повел их, проехав мимо места под названием «Фабрика удобрений Фусинь», прежде чем свернуть на перекрестке.

А Ли Тан, сделав вид, что достиг своей цели, попрощался с Цзян Лу на предыдущем перекрестке, спрятавшись за углом и выглянув.

Он наблюдал, как Цзян Лу прошел через главные ворота завода по производству удобрений и

направился к лестнице, ведущей под землю. Его фигура постепенно исчезала за горизонтом.

Убедившись, что его не заметят, Ли Тан пошел по тропинке к железной лестнице.

Снизу доносился грохочущий шум, и, прислушавшись, он смог различить смутные крики и аплодисменты.

Там было много людей, отчего земля дрожала.

Собравшись с духом, Ли Тан глубоко вздохнул и начал спускаться по ступенькам.

Но он не смог войти.

У входа в неизвестное подземное заведение человек, похожий на охранника, попросил Ли Тана предъявить удостоверение личности.

Сердце Ли Тана подскочило к горлу, и он пошарил в кармане, чтобы достать удостоверение личности. Ему было семнадцать, и до совершеннолетия оставался еще год.

Как и ожидалось, охранник взглянул на его удостоверение и отмахнулся.

— Так дело не пойдет.

Потерпев неудачу в своем преследовании, Ли Тан почувствовал себя подавленным.

Он начал бродить по окрестностям, размышляя, что это за место — подвальный бар или частное казино?

Ни то, ни другое не казалось подходящим местом для старшеклассников.

Когда он возвращался на автобусную остановку, ему позвонил Цао Ян.

Сначала он не хотел отвечать, но палец соскользнул и нажал зеленую кнопку, чтобы принять вызов. На другом конце провода тут же раздался встревоженный голос Цао Яна:

— Танбао, наконец-то ты мне ответил, Танбао!

Ли Тан закрыл глаза, чувствуя приближающуюся головную боль.

Он остановился на обочине дороги, чтобы послушать болтовню Цао Яна.

— Прости. Я только вчера узнал, что тебе звонила Цибао... Насчет твоей сексуальной ориентации... Вице-президент нашего клуба как-то упомянул, что у тебя нет партнера, и хотел познакомить тебя с девушкой. Я сказал ему не знакомить понапрасну, что Ли Тану девушка не нужна... Клянусь, я сказал именно это, слово в слово. Не понимаю, как этот человек догадался, что тебе нравятся парни, и рассказал об этом другим.

Ли Тан ответил:

— О. Так вот как все было.

Цао Ян чуть не расплакался.

— Не сомневайся во мне. Я действительно не распространял эту новость.

— Я верю тебе.

— Тогда ты все еще злишься на меня?

— Нет, я не злюсь.

— Но твой тон говорит сам за себя.

Ли Тан внезапно ощутил бессилие. Он вспомнил слова Цзян Лу: «Ты не устал?»

Разве он не устал? Постоянно глотая свой гнев, он сохранял чье-то худое лицо?

Ли Тан собрался с духом.

— Твоя девушка не уверена в себе и относится ко мне как к сопернику, безосновательно задавая мне вопросы и причиняя мне боль. Разве я не могу злиться?

Хотя он чувствовал больше обиды, чем гнева.

— Что она тебе сказала? — Цао Ян был застигнут врасплох. — Девушки просто слишком много думают. Не принимай это на свой счет...

— Это касается не только нас двоих. Причина — ты. Поэтому, пожалуйста, не пиши мне больше, пока не разберешься в своих отношениях.

Ли Тан продолжил:

— Спасибо за праздничный торт. Когда у нее будет день рождения, обязательно купи ей торт побольше и подороже, чтобы она не навоображала себе лишнего.

Произнеся все это на одном дыхании, Ли Тан повесил трубку, осознав, что руки у него дрожат, а на спине выступил холодный пот.

Привыкнув быть трусом, он редко стоял на своем, а теперь стал таким. Ли Тан закусил губу, думая про себя: «Как неловко».

К счастью, его никто не видел.

Как раз когда он почувствовал облегчение, из соседней кабинки раздался смешок.

Повернув голову, он увидел охранника завода удобрений Фусинь, высунувшегося из окна и ухмыляющегося.

— У нынешней молодежи такая сложная личная жизнь.

Ли Тан лишился дара речи.

Его бравада развеялась по ветру, и когда Ли Тан уже собирался ускользнуть, мужчина добавил:

— Похоже, собирается дождь. Зайди ненадолго.

На самом деле он не собирался туда входить.

Ли Тан привык к непредсказуемой погоде в Суйчэне, но, вспомнив, что он еще не оправился от лихорадки, вызванной попаданием под дождь, он принял приглашение.

К тому же у него были и другие мотивы.

Эту территорию окружали фабрики, большинство из которых были закрыты в праздники, за исключением будок охраны, где сотрудники службы безопасности работали круглосуточно. Поскольку они проводили здесь много времени, они, должно быть, были знакомы с местной обстановкой.

Ли Тан плохо ладил с незнакомцами. Через пять минут после того, как он вошел в комнату, шум дождя на улице стал громче, а он все еще не придумал, как начать разговор или как деликатно подвести его к теме подземной лестницы.

Охранник первым нарушил молчание, заметив молчание Ли Тана и предположив, что тот все еще обеспокоен своей личной жизнью. Он включил телевизор в будке и настроил его на местный канал.

В новостях показывали сюжет о том, как мужчина заподозрил жену в измене и напал на его начальника прямо на рабочем месте. Мужчину задержали.

Охранник усмехнулся, наблюдая.

— Это правда. Трое в отношениях, может, и живо, но слишком тесно.

Ли Тан снова лишился дара речи.

«Я даже не пытался протиснуться».

После рекламной паузы показали еще один сюжет об уличных драках среди молодежи, приведших к серьезным травмам. Охранник, отпивая чай, пробормотал:

— Это даже несерьезно. В прошлый раз сюда приезжала скорая, и двое подростков, которых вынесли, были окровавлены и неузнаваемы.

Ли Тан что-то почувствовал и спросил:

— Тоже была драка?

— Можно считать и так. — Охранник выглянул в окно, поглядывая в сторону подземной лестницы: — Днем это настоящий боксерский зал. Но ночью или по выходным там кипит жизнь... тск...

Это был боксерский зал.

Все еще находясь на незнакомой для Ли Тана территории, он спросил:

— Разве боксерский зал не должен быть местом для занятий спортом? Зачем кому-то получать травмы?

На лице охранника было написано многозначительное выражение.

— Ты разбираешься в боевых видах спорта? Слышали о подпольных боях? Люди рискуют жизнью на ринге, а другие бросают деньги с трибун. Детишки, такие как ты, никогда не должны ходить в такие места ради нескольких монет и губить себя.

Подпольный боксерский ринг.

Бах!

От сильного и мощного удара противник упал на землю, несколько раз боролся, но так и не смог подняться.

Рефери подошел, поднял руку Цзян Лу в знак победы, и арена взорвалась аплодисментами и криками одобрения.

Когда Цзян Лу спускался с ринга, кто-то протянул ему полотенце. Все еще переводя дыхание, он взял полотенце, вытер лицо и прикрыл левое ухо.

Его глухое ухо, которое обычно не способно улавливать звуки, парадоксальным образом издавало пронзительный звон, когда подвергалось воздействию звука высокой громкости в замкнутом пространстве.

Редкие моменты, когда Цзян Лу чувствовал боль.

За кулисами старик Чжан снял с Цзян Лу экипировку и приступил к осмотру его травм — его голова и лицо не пострадали благодаря защитному шлему, но на плечах, груди и животе уже начали образовываться синяки.

Даже при отличных навыках защиты и хорошо накачанной мускулатуре травмы на боксерской сцене были обычным явлением.

— Надо было дать тебе как следует отдохнуть за выходные и не приезжать сюда, — вздохнул старик Чжан. — Если ты когда-нибудь сдохнешь, твой отец обвинит меня в том, что я не заботился о тебе. Как мне ему объясниться...

— Он бы этого не сделал, — Цзян Лу сохранял спокойствие в голосе. — Он бросил меня, чтобы спасти других. Почему ему обвинять тебя в том, что ты не позаботился обо мне?

— Если кто-то и должен винить, то это я должен винить его.

Приняв душ и переодевшись, Цзян Лу застегнул молнию на куртке, поднимаясь по лестнице.

Ступив на землю, он наступил в лужу. Дорога напоминала холст с неровными тенями, темными пятнами в низинах и отражающими пятнами, где скопилась вода, что указывало на то, что недавно прошел дождь.

В центре этого полотна стоял человек.

Ненадолго остановившись, Цзян Лу подошел к Ли Тану, улыбаясь.

— Значит, твой друг не пригласил тебя на ужин?

Было четыре часа дня, далеко не в то время, когда обычно зажигают свет. Небо было серым, но Цзян Лу было достаточно, чтобы заметить беспокойство в глазах Ли Тана.

За эти годы он, казалось, так и не научился скрывать свои эмоции. Цзян Лу вспомнил, как несколько часов назад в автобусе Ли Тан смотрел на него с восхищением, и еще раньше, когда тот посмотрел на него сияющими глазами и произнес детским голосом: «Ты умеешь писать так много слов, старший брат, ты потрясающий».

Как искренне.

Однако на протяжении последних двенадцати лет всякий раз, когда Цзян Лу вспоминал эту сцену, у него возникало такое ощущение, будто ему на сердце плеснули пригоршню ледяной снежной воды.

Ли Тан этого не заметил, все еще волнуясь и даже не пытаясь скрыть свою ложь.

— Я слышал, там боксерский зал.

Цзян Лу глубоко вдохнул.

— Ты заходил внутрь?

— Нет, я не смог попасть внутрь. — Ли Тан спросил: — Как ты попал внутрь? Что ты делаешь внутри...?

— Что, по-твоему, я могу делать внутри?

— Я не хочу, чтобы ты туда заходил; это не место для тебя.

Цзян Лу опешил, а затем снова рассмеялся.

— Тогда где же мне быть? В торговом центре, кинотеатре или в одной из тех кофейен, которые вы часто посещаете?

Он смеялся над наивностью Ли Тана.

— Это стоит денег. Учеба тоже стоит денег. Чтобы жить, нужно есть, пить, мочиться, испражняться и спать — все это требует денег. Я могу заработать, заходя туда, чтобы обеспечить свое выживание. Ты говоришь мне не ходить туда... куда мне еще идти, где мне быть?

Глаза Ли Тана потускнели.

Он вспомнил, что видел большие синяки на руке Цзян Лу и боксерскую грушу, висевшую в его доме.

Это было не просто украшение, а способ заработать на жизнь.

Не упуская из виду сарказм в словах Цзян Лу, Ли Тан продолжил вопрос, который тот не успел задать в свой день рождения:

— Тогда ты пропустил год учебы из-за уха...

— Да, — Цзян Лу, казалось, был полон решимости удовлетворить все его любопытство. — Во втором или третьем классе я подрался с учениками средней школы. Четверо против одного. Один из них размахнулся цветочным горшком и ударил меня по голове. По дороге в больницу я оглох на левое ухо.

К тому времени он уже съехал из дома своей тети. Она была расстроена тем, что ее попытки получить право собственности на дом отца Цзян Лу провалились, и утверждала, что пособие за опеку, которое она получала, иссякло после оплаты одной операции, отказавшись покрывать расходы на последующее лечение. Позже благотворительная организация собрала средства на продолжение его лечения, но причины неврологической тугоухости, вызванной черепно-мозговой травмой, установить было сложно. Две последовательные операции оказались безуспешными, и у него была диагностирована тяжелая или глубокая потеря слуха на левом ухе. Даже лечащий врач не рекомендовал продолжать лечение и предложил имплантировать кохлеарный имплант или использовать слуховой аппарат.

В то время слуховые аппараты были для детей все еще редкостью. Цзян Лу ходил в школе с аппаратом, и над ним насмехались мальчики постарше. Они даже вытащили аппарат из его уха и наступили на него.

Цзян Лу оказал сопротивление и едва снова не оказался в больнице.

На этот раз не только школа, но и организация социального обеспечения, которая его спонсировала, посчитали ребенка непослушным и неуправляемым, рожденным для проблем.

Взрослые, окружавшие его, уходили один за другим. Сначала его отвезли в дом тети, затем перевели в детский дом, он скитался туда-сюда, и в конце концов вернулся в свой пустой дом.

Цзян Лу не стеснялся рассказывать об этом. Когда его спрашивали, он честно рассказывал.

Поэтому он знал все возможные реакции: шок, вздохи или жалость — люди часто испытывают сочувствие к трагическим историям. Хотя Цзян Лу повторял эту историю бесчисленное количество раз, давно уже оцепеневший и равнодушный, словно рассказывая чужую историю со стороны.

Как представитель широкой общественности, Ли Тан неизбежно отреагировал бы так же, как и эти люди.

Подобно богатому молодому господину, не ведающему о тяготах жизни, он, вероятно, испытывал еще больший поток сочувствия.

Это соответствовало ожиданиям Цзян Лу и ловушке, которую он расставил, чтобы заманить лису.

Однако, закончив свой рассказ, он увидел в глазах Ли Тана замешательство и недоумение.

В этом взгляде была какая-то... беспомощность?

— Если не хочешь улыбаться, можешь и не улыбаться, — Ли Тан, который был чуть ниже ростом, посмотрел на него. — Ты спросил, не устал ли я, но ты, кажется, еще больше измучен.

Улыбка застыла на его губах.

Он словно внезапно шагнул в пустоту, и от ощущения невесомости сердце Цзян Лу резко замерло.

Когда он пришел в себя, он почувствовал себя нелепо.

Слова Ли Тана были нелепы, и его собственная реакция была столь же нелепа.

Как кто-то мог, выслушав его историю, не вздохнуть, а подумать, что он натянуто улыбается?

Он инстинктивно фыркнул и спросил:

— Ты что, бредишь из-за жара?

Ли Тан покачал головой.

— Я принял лекарство, жар спал.

Это было лекарство, которое дал ему Цзян Лу.

Боясь, что Цзян Лу ему не поверит, Ли Тан схватил его руку и приложил ко лбу.

— Проверь.

Холодный ветер охладил ладонь Цзян Лу, и Ли Тану захотелось прижаться к нему, чтобы согреться.

— Если тебе грустно, не заставляй себя улыбаться.

— Тебе всего девятнадцать; плакать это нормально.

<http://bllate.org/book/13923/1226769>